

Весенней ночью, когда начинают отбивать стражу, самое удачное время для ловких трюков.

Тёмный силуэт невесомо, как опадающий лист, скользнул вниз с задней стены поместья Фань, при приземлении не произведя ни шороха. Стараясь не испачкаться пылью, он тотчас слился с ночными сумерками. Конечно же, это был Фань Сянь: он двигался в темноте, одновременно размышляя, отчего в этом мире нет настоящей техники лёгкого шага. Из-за этого, когда он карабкался на стену, то всегда оказывался в пыли.

Несмотря на всю столичную пышность, с наступлением ночи мест, где ещё горели огни, было не так много: к примеру, в переулке Валонг, где с приближением тьмы расставляли товары ночного рынка и проводили уличные представления, а ещё у заводи на реке Люцзин, где до полуночи на лодках принимали гостей, оттого и не гасили огни. Но все остальные улицы в большинстве своём были тёмными, только чуть брезжили огни в соседних дворах, да иногда проникающий сквозь щели в воротах свет падал на мощёную известняком улицу, отражаясь тонкой, еле заметной ниткой.

Эти смутные, почти невидимые нитки Фань Сянь обходил, в темноте пускаясь бегом, и ночной ветер приятно охлаждал его слегка разгорячённое лицо. Вскоре он достиг переулка рядом с императорским поместьем, которое он уже посещал сегодня при свете дня. Издалека разглядев небольшое строение во дворе, он нахмурился: повсюду наверняка были дворцовые стражники. По словам дяди У Чжу, в использовании нейгуна он достиг самое большее седьмого уровня, и третьего — в контроле. Если он желает необдуманно вторгнуться внутрь, не всполошив всех тамошних мастеров, непременно нужно быть очень осторожным.

Ему обязательно нужно было увидеть барышню Линь. Хотя он ещё не знал её полного имени, но непременно хотел сказать ей, кто он такой, за кого она в будущем выйдет замуж. Но самым главным была её болезнь.

В ночной темноте и тишине только недавно отзвучали колотушки ночной стражи, вскорости точно не раздастся больше ни звука, только изредка долетало кваканье не по сезону задержавшихся лягушек. Фань Сянь тихо стоял за углом у входа в переулок, регулируя свою внутреннюю истинную ци, позволяя потоку жёсткой ци медленно наводнить всё его тело. Он сделал свой Сюэшань внизу спины центром управления энергии, что позволяло прекрасно контролировать не только каждую мышцу в теле, но и духовную силу.

Фань Сянь не знал, рядом ли сейчас дядя У Чжу, но нельзя же было всю жизнь полагаться на него. Хотя дядя У Чжу и силен, но и он не всегда может прийти на помощь, иначе бы мать Фань Сяня не постигла бы столь печальная участь. Обеими руками Фань Сянь изо всех сил отряхнул одежду и удостоверился, что лицо не слишком потное. Затем он выбрал неприметное место на задней стене императорского поместья, медленно направил истинную ци в ладони, потом удивительным образом отозвал её с краёв ладоней, создавая таким образом маленькую присоску, как когда он карабкался по утёсам у гавани Даньчжоу, и, легко касаясь поверхности стены, медленно полез вверх.

Стена была высотой метров шесть, обычному мастеру перепрыгнуть её было бы никак невозможно, кроме того, поверхность стены была гладкой, так что императорские стражи относились к охране этого места спустя рукава. Кто же мог представить, что сегодня сюда на

тайное свидание с девушкой придёт человек-паук!

Добравшись до верха, Фань Сянь одной рукой уцепился за стену, а другой стёр со лба холодный пот, подумав: «Я же пришёл увидеть свою будущую жену, почему приходится так рисковать?» Однако сейчас не было времени на сожаления: он поднял голову, взглянул в небо и, заметив, что молодой месяц вот-вот зайдёт за облака, невольно обрадовался.

Серебристый свет вдруг сменился темнотой, и Фань Сянь быстро, как ветер, незаметно спустился в сад и ловко, как кошка, пробрался в кущу низких деревьев, укрывшись в листве от чужих взглядов. Его движение непрерывно перешло от спуска вниз в резкий и почти бесшумный рывок вперёд, всё благодаря строгим тренировкам, которые У Чжу устраивал ему в Даньчжоу.

По правде говоря, в поместье было не так уж много охраны. Уже приближалась полночь, и бдительность их притупилась, только от главных ворот, кажется, слышались голоса тех, кто ещё не спит, а сад вовсе никто не патрулировал. Фань Сянь с облегчением выдохнул, с особой осторожностью подошёл к стене дома и, запрокинув голову, понял, что внутри все огни уже давно погашены и кругом темнота. Он задумался: спит ли она уже, или ещё нет.

Двери на первом этаже были закрыты, да и неизвестно, прошло ли у старой мамки действие слабительного, вдруг она встанет посреди ночи по нужде? Фань Сянь, ухмыльнувшись, отбросил мысли об этом пути, обошёл здание, восстановил ци в обеих руках, с силой вцепился в деревянные опоры галереи и полез вверх. Крытая галерея второго этажа, однако, немного выступала, чуть больше чем на полметра, и, добравшись до верхушки столба, Фань Сянь плавно выдохнул, вытянул руку, чтобы ухватиться за маленькую щель указательным и средним пальцами. Качнувшись, он повис в пустоте, и силой мышц живота и поясницы начал раскачиваться сильнее, а затем одним движением, словно летучая мышь, взлетел вверх, намертво уцепившись за внешнюю сторону окна.

Фань Сянь считал, что девушка внутри должна была понять значение последних слов, которые он сказал днём при встрече, поэтому он с уверенной улыбкой во всё лицо осторожно потянул за створку... Она не сдвинулась, и он, приложив побольше силы снова потянул... окно опять не открылось!

Линь Вань'эр легла спать рано, но всё не могла заснуть. Лёжа под тонким одеялом, она держала его уголок в руках, таращилась своими большими глазами в ночную темень, чётко видя полог над головой, и думала сама не зная о чём. Она сразу услышала движение за окном, и её сердце сжалось: она не знала, что делать, она и подумать не могла, что молодой человек окажется настолько смелым, чтобы проникнуть ночью в императорское поместье. Ей стоило крикнуть кого-то, но, подумав, она поняла, что если сбегутся охранники, то как бы того красивого юношу не обрекли на смерть за его преступление. Не в силах вынести этого, она крепко закусил губу, не зная, как лучше поступить.

«Хорошо хоть окно закрыто», — успокаивала себя она, думая, что если гость не сможет войти, то спасует и сбежит, и, таким образом, она не столкнётся с ситуацией, о которой не хотелось бы думать, а этому молодому человеку не будет предъявлено столь серьёзное обвинение.

Жаль, всё пошло не так, как ожидалось. За окном раздался тихий звук, оно рывком распахнулось, и оттуда проник молодой человек в чёрной одежде и с тонким кинжалом, покрытым чёрным лаком. Линь Вань'эр увидела эту сцену сквозь тонкий полог и неосознанно чуть не вскрикнула, но, разглядев его лицо, то чистое, приятное лицо, которое она видела за алтарным покровом в храме Цин, она непонятно почему усилием воли заставила себя промолчать.

Фань Сянь двигался очень быстро, в нём не было ни капли свойственной влюблённым юнцам робости. Обернувшись, он закрыл окно, затем подошёл к постели и сразу отдёрнул шёлковый полог, отчего слабый аромат пополз по всей комнате.

Вань'эр это показалось несколько таинственным, но, учуяв этот слабый запах, она тут же почувствовала бодрость во всём теле и поняла, что этот молодой человек уже пускал в ход это таинственное снотворное. Она испугалась: неужто он — тот насильник, о котором судачат люди? Сердце Линь Ван'эр затопило бесконечным сожалением, она открыла рот и приготовилась звать на помощь!

Фань Сянь же вообще этого не понял, он лишь с радостью на сердце собирался разбудить девушку, откуда ему было знать, что она, оказывается, не спит? В её глазах первоначальная растерянность сменилась ужасом, и она широко открыла рот, неужели в попытке закричать? Он сразу опомнился и поспешно, встав коленом на её постель, одной рукой прикрыл Линь Вань'эр рот.

Ладонь коснулась её мягких губ. Щекотно.

— Тише, тише, — впервые в своей жизни Фань Сянь проник в дом на тайное свидание, неудивительно, что ему не доставало опыта. Он огорчённо добавил: — Это я, это я, это я.

Видя, что юноша, похоже, не собирается причинять ей вреда, Линь Вань'эр постепенно стала успокаиваться. Фань Сянь убрал ладонь и тихо, беспомощно сказал:

— Не зови никого.

Линь Вань'эр внезапно подумала о тех двух странных ароматах и с тревогой спросила:

— Что ты сделал с моей служанкой?

Поскольку служанка спала на кушетке рядом с ней, она должна была давным-давно проснуться от шума. Фань Сянь тихо объяснил:

— Ничего страшного, это благовоние успокаивает дух и никак не вредит телу. Я её просто усыпил.

Линь Вань'эр почувствовала небольшое облегчение. Глядя на его чистое улыбающееся лицо, она отчасти обрадовалась, но больше была напугана. Кто этот человек и каково его положение? Увидев страх в её глазах, Фань Сянь заботливо сказал:

— Не бойся, я тот лекарь, что приходил днём. Разве я не говорил перед уходом, что навещу тебя ночью?

Линь Вань'эр внезапно очаровательно улыбнулась и сказала:

— Разве ты не сказал мне закрыть окно?

Увидев это изящество и красоту, Фань Сянь расплылся в улыбке, сердце его затрепетало, а когда он посмотрел на её губы, у него возникли другие мысли. И тут он внезапно почувствовал на шее холод. Короткий кинжал холодно блестел. Рукоять была в руке Линь Вань'эр, а лезвие лежало на шее Фань Сяня!

Линь Вань'эр посмотрела ему в глаза на него и внезапно мягко сказала:

— Неважно, кто ты, если ты сейчас же уйдёшь, я обещаю не преследовать тебя за то, что ты сделал.

Шеи Фань Сяня касался холодный кинжал, но лицо всё ещё сияло улыбкой. Глядя на девушку, он нежно сказал:

— Я скоро уйду, я просто хотел взглянуть на тебя.

Замолчав, он, не обращая ни на что внимания, достал из-за пазухи промасленный бумажный свёрток, совершенно не замечая острое лезвие у шеи. Напротив, Линь Вань'эр, боясь ненамеренно порезать его, неосознанно отвела кинжал.

Фань Сянь разорвал жирную бумагу, вынул из неё аппетитную куриную ножку, поднёс к губам Линь Вань'эр и сказал с улыбкой:

— В тот день в храме Цин ты ела куриную ножку. Я знаю, какая ты прожорливая, поэтому специально принёс её тебе.

Линь Вань'эр, не зная, смеяться или плакать, думала, какой же этот юноша всё-таки бестолковый. Она пыталась сообразить, который сейчас час, ведь если охранники обнаружат постороннего мужчину в её комнате, им обоим будет конец. Дрожащим голосом она сказала:

— Пожалуйста, уходи скорее.

Фань Сянь раньше планировал ничего не значащими разговорами подразнить её, но, видя, что барышня Линь так напугана, смягчился и попытался уговорить её:

— Не бойся, я не причиню тебе вреда.

Сказав это, он понял, что что-то не так: слишком его слова напоминали то, что постоянно говорят насильники в романах о боевых искусствах из его прошлого мира.

Как и следовало ожидать, выражение лица Линь Вань'эр резко изменилось, она приставила кинжал к его шее и сказала с дрожью в голосе:

— Мне всё равно, кто ты. Если ты хочешь оскорбить меня, я пушу оружие в ход.

Только тогда Фань Сянь подумал, что самовольное проникновение в спальню женщины действительно в высшей степени порочит её честное имя, но, увидев решительное и непоколебимое выражение лица барышни Линь, он не мог не задаться вопросом: «Неужели ты собираешься убить своего мужа?»

<http://tl.rulate.ru/book/96718/1489736>